

Шурх, шурх — это ветер колышет листву столетней камфорной ели за учебным корпусом. Солнечные блики просачиваются сквозь крону и рассыпаются по классу яркими пятнами. Легкий ветерок влетает в открытое окно, ласково касаясь юных лиц.

Дзинь-дзинь-дзинь! Раздается звонок с урока.

— Встать! — командует староста.

— До свидания, учитель!

— До свидания, ребята.

Едва попрощавшись с учителем, Е Линхуэй вдруг осознает, что стоит перед своей старой школьной партией. На столе, прямо посередине, красуется вырезанное перочинным ножом имя — Е Линхуэй — и глубокая борозда, разделяющая парту на две половины.

Она поднимает голову и видит учительницу Чэнь. Да, она снова видит её во сне. В школьные годы та была словно самая яркая звезда на ночном небосклоне, неизменно притягивавшая её взгляд. Урок окончен, учительница уходит. Е Линхуэй быстро догоняет её, робко берет за руку и тихо зовет:

— Учитель Чэнь.

Та оборачивается и улыбается:

— Что такое? Ты чего-то не поняла на уроке?

Е Линхуэй едва заметно качает головой. В этот момент, глядя на учительницу, она понимает, что спит. К ней вернулась её юность, и в глазах Е Линхуэй учительница остается самым особенным человеком в её жизни. Тогда, в детстве, она была совсем глупой, не понимала чувств, знала только, как лазить по горам за птицами да ловить рыбу в ручье, — сущий чертенок.

Учительница мягко сжимает ладонь Е Линхуэй, и в этом нежном пожатии словно таится бесконечное утешение. Она заводит Е Линхуэй в просторный кабинет; в звенящей тишине пустой комнаты стук сердца становится пугающе отчетливым. Учительница Чэнь кладет учебники на стол, грациозно садится и смотрит на неё с глубоким участием.

— Ну же, рассказывай, что случилось? — Голос её звучит мягко, подобно весеннему ветру, мгновенно разглаживая тревогу в душе Е Линхуэй.

Та робко произносит: Учитель, — а затем медленно тянет её руку к себе, укладывая ладонь на

поясницу. Учительница Чэнь, кажется, всё понимает без слов, и в её глазах мелькает едва уловимая искра чувств.

Они медленно сближаются. Воздух словно застывает, слышно лишь дыхание друг друга. От учительницы исходит тонкий аромат фруктовых леденцов — сладкий, пьянящий. Губы учительницы Чэнь такие мягкие, теплые. В момент касания по телу Е Линхуэй пробегают легкий электрический разряд, заставляя её вздрогнуть. Время остановилось, мир сузился до них двоих, погруженных в эту прекрасную, запретную атмосферу.

— О, чьим сердцем мне постичь, как по-настоящему чувствовать этот мир, даже если больно...

Ха! Песня Ван Фэй о непреклонной одержимости вырывает Е Линхуэй из сна. Никогда не ставьте любимую песню на будильник — знающие люди поймут. Реальность требует немедленного подъема на работу. Пара глубоких вдохов, чтобы ощутить воздух уже наяву. Скорее чистить зубы, умываться, накладывать маску. И пока лицо в маске, нужно успеть сходить в туалет и выбрать одежду. Время нужно использовать до последней секунды. Легкий макияж, выход из дома, давка в метро.

Когда она заканчивала университет, то чувствовала себя полной сил, мечтала о великих делах и открыла бизнес с тремя лучшими друзьями. Амбиций было море, а вот опыта — никакого. Маркетинговые исследования провели плохо, полагаясь лишь на собственные интересы и домыслы, совершенно игнорируя реальный спрос и желания покупателей. Идеи и продукты оказались неконкурентоспособными. В итоге компанию пришлось закрыть.

Из четверых основателей один уехал в Гуаннань собирать арендную плату с родительских домов, другой устроился на госслужбу под крыло отца-чиновника, третий вернулся на семейный завод осваивать зарубежные рынки. И только Е Линхуэй, девушка из деревни, осталась с долгами перед родителями и банками — сейчас на ней висит около двухсот тысяч юаней.

— Уважаемые пассажиры, станция Синьтуй Дунлу. Выход на левую сторону, будьте осторожны при выходе.

Нужно поставить себе маленькую цель. Работать изо всех сил и постараться закрыть долги за три года.

Глоток молока, пустой пакет летит в урну, и Е Линхуэй вливается в поток людей, входящих в офисное здание. Успела. До начала рабочего дня осталось две минуты.

Едва она садится за стол, как из-за соседнего монитора высовывается голова. Старина Ван.

— Сяо Е, ты слышала, нас собираются поглотить?

— Я об этом официально не знала, но предпосылки были. В год выхода на биржу отчетность была красивой, а потом несколько лет — сплошная череда неудач. Акции стоят копейки. Либо искать инвестиции, либо продаваться, — анализирует Е Линхуэй.

— Эх, — вздыхает Ван. — Не знаю, будут ли сокращения. У меня ипотека, кредит на машину, дети — всё на мне держится.

— А я думаю, что поглощение — не обязательно плохо. Если бы нас не купили, то с твоим подходом к работе удивительно, что тебя еще не уволили. Но теперь, после сделки, тебе стоит постараться. Без результатов всё равно сократят, — серьезно говорит Е Линхуэй.

— Я и так стараюсь, просто я социофоб. При общении с незнакомцами жутко нервничаю, но в переписке я профи. Это не безделье, просто я не езжу на встречи с клиентами, как ты. Кстати, есть какой-то секрет в работе с клиентами? — в шутку спрашивает Ван.

Е Линхуэй понимает, что это вопрос ради шутки. В конце концов, они в каком-то смысле конкуренты.

— Всего два слова: искренность. Никаких секретов, ха-ха.

В этот момент генеральный директор, финансовый, операционный и HR-менеджеры, суется, пробегают мимо и выстраиваются у входа, явно кого-то ожидая. Директор и финансист спускаются вниз встречать гостей, а HR-менеджер проходит по отделам:

— Скоро приедут клиенты с проверкой. Работайте усердно, не подведите. Постарайтесь произвести хорошее впечатление. Разошлись, за работу!

Дзинь! Двери лифта открываются, и все взгляды устремляются к выходу. HR-менеджер бросает на всех строгий взгляд, и сотрудники покорно склоняются над мониторами. Ха, любители поглазеть есть везде, думает Е Линхуэй. Краем глаза она замечает гостью: костюм от Prada, семисантиметровые шпильки Gucci. Она не удерживается и поднимает голову. Уверенная походка, властная осанка. Безупречный макияж и аккуратный низкий хвост подчеркивают её красоту, а пронзительный взгляд и чуть заметная усмешка излучают уверенность. Ясные глаза, грациозные движения — от неё невозможно отвести взгляд.

Их глаза встречаются на долю секунды, и Е Линхуэй тут же отводит взгляд, чувствуя внезапную неловкость и смущение. Когда гостья проходит мимо, Е Линхуэй вдруг задумывается: почему ей стало так неловко?

— Да уж, — думает она, — начальство всегда отличается от нас, простых работяг, особой аурой.